Если считать подтекстом другой, более ранний текст, отразившийся в данном тексте, то ближайшим подтекстом стихотворения Пастернака «Поэзия весной» окажется «Воскресение» (его начало), более отдаленным — «Братья Карамазовы» (монолог Ивана в главе III книги пятой части II), а исходным — стихотворение Пушкина «Еще дуют холодные ветры...».

7. В замечательном любовном стихотворении из «Сестры моей жизни» «Заместительница» малейшая подробность поведения возлюбленной объявляется более значительной, чем самые заметные в обычном масштабе явления. В частности, там есть такое четверостишье:

Не он, не он, не шепот гор,
Не он, не топ подков,
Но только то, но только то,
Что — стянута платком. [36, с. 92]

Имя существительное «топ», народно-поэтическое и просторечное, введено в язык поэзии Пушкиным. Он его любил, употребил в стихах трижды (в «Женихе», в третьей песне о Стеньке Разине, в «Евгении Онегине») и энергично отстаивал в 31-м примечании к «Евгению Онегину». Оно настолько маркировано, что употребление его мгновенно отсылает к Пушкину.

8. Во второй, «Подражательной» вариации (цикл «Тема с варьяциями» из книги «Темы и варьяции») два начальных стиха совпадают с первыми двумя стихами «Медного всадника». На тему вступления к этой поэме и написан вариационный цикл Пастернака. Но одновременно он притягивает и другие пушкинские тексты, в частности «Пророка». В вариации третьей только в первом стихе намечается параллель с началом «Медного всадника», дальнейшее же можно описать как вселенский контекст пушкинского «Пророка»: тут и пустыня, и сфинкс, и звезды, и ночь — и спальни, и губы, и слезы (слезы у Пушкина — спутницы вдохновения), и свечи (свеча в христианской и поэтической символике прежде всего — образ человеческой души); Африка, Европа, Азия. Напомним заключительную строфу:

Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге. [36, с. 125]

«Пророка» и «Медного всадника» связывает прежде всего явление сверхъестественного: шестикрылого серафима и ожившей статуи. Затем, в обоих текстах важен образ пустыни: на берегу пустынных волн стоит Петр, по площади пустой Медный всадник преследует Евгения, в пустыне является пророку шестикрылый серафим. То, что получило развитие в вариации третьей, подготовлено во второй: здесь «Пророк» запрятан глубоко в подтекст, в третьей он выступает на поверхность. Давно установлено, что в лирическом цикле необходимо присутствуют «циклообразующие связи» между входящими в него стихотворениями [49—51]. Вариации вторая и третья связаны, в частности, ориентированностью на «Пророка».

В самом начале второй вариации, как и во всем цикле, происходит замена: он — уже не Петр, а Пушкин. В соответствии с этим море не северное, Балтийское, а южное, Черное. Применительно к Пушкину естественны атрибуты и предикаты пушкинского пророка.

Пушкин пишет:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы. [35, т. III, с. 30]

Пастернак сохраняет ту же рифму:

Еще не выпавший туман
Густые целовал ресницы.
Он окунал в него страницы
Своей мечты. [36, с. 123]